

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

От диагностики личности к диагностике паттерна: опыт исследования лиц, совершивших преступления террористической направленности

Н.П. Ничипоренко¹✉, И.И. Пацакула², И.Ш. Галиев¹

¹ Казанский филиал Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, Казань, Российская Федерация

² Калужский государственный университет, Калуга, Российская Федерация

✉ nichiporenko.n@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В данной статье анализируются итоги тематического исследования группы лиц, подверженных влиянию радикальной идеологии. Обсуждается возможность смещения исследовательского фокуса от диагностики девиантной личности к диагностике нарушений развития, от описания закономерностей отклоняющегося поведения — к описанию паттерна адаптации. **Цель.** Выявить характерные особенности радикализации личности и описать структуру радикального паттерна. **Гипотеза.** Основу радикального паттерна образуют специфические отклонения в социализации, выступающие формами адаптации к неблагоприятным условиям развития. **Методы и материалы.** Выборку составили 30 человек, совершивших преступления террористической направленности, и 30 членов их семей. На разных этапах исследования в качестве предмета изучения выступали личность террориста, семейные отношения, отклоняющееся поведение антисоциальной направленности. Методический инструментарий представлял собой комплекс психодиагностических средств, сочетающих преимущества идеографического и номотетического способов познания: 8 психодиагностических методик тестового характера, глубинное интервью, анализ демографических и социально-психологических показателей, важных с точки зрения социализации и радикализации личности. **Результаты.** В ходе многопланового обследования выявлены личностные черты, ценности, особенности религиозного мировоззрения, виды психологических защит и способы совладания с трудными жизненными обстоятельствами, описана специфика семейных отношений и важные аспекты социализации на различных этапах жизненного пути. **Выводы.** Структуру радикального паттерна образует комплекс индивидуально-психологических характеристик и социальных факторов: личностные

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025)
От диагностики личности к диагностике паттерна:
опыт исследования лиц, совершивших преступления
террористической направленности
Психология и право, 15(1), _16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025)
From personality diagnosis to pattern diagnosis:
the experience of researching persons
who have committed terrorist crimes
Psychology and Law, 15(1), 16—28.

диспозиции, склонность к зависимому поведению, виктимность, религиозное мировоззрение радикального толка, фиксация на идее справедливости, идеологически оформленное ядро идентичности, разбалансировка и дефицитарность семейной системы, предупреждающие поведенческие признаки. В определенных кризисных условиях и при влиянии катализирующих факторов данный паттерн может быть активирован и реализован посредством террористического акта.

Ключевые слова: терроризм, психология терроризма, радикализация, социальное отклонение, девиантное поведение, деструктивное поведение, безопасность, паттерны адаптации

Финансирование. Исследование выполнено в рамках Государственного задания № FNRR-2024-0003 «Проблема методологии социального отклонения развития человека» (Психология).

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования Р.О. Галиеву.

Для цитирования: Ничипоренко, Н.П., Пацакула, И.И., Галиев, И.Ш. (2025). От диагностики личности к диагностике паттерна: опыт исследования лиц, совершивших преступления террористической направленности. *Психология и право*, 15(1), 16—28. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150102>

From personality diagnosis to pattern diagnosis: the experience of researching persons who have committed terrorist crimes

N.P. Nichiporenko¹✉, I.I. Patsakula², I.Sh. Galiev¹

¹ Kazan Branch of the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Kazan, Russian Federation

² Kaluga State University, Kaluga, Russian Federation

✉ nichiporenko.n@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. This article analyzes the results of a case study of a group of people influenced by radical ideology, discusses the possibility of shifting the research focus from the diagnosis of deviant personality to the diagnosis of developmental disorders and from the description of patterns of deviant behavior to the description of the pattern of adaptation. **Objective.** To identify the characteristic features of personality radicalization and describe the structure of the radical pattern. **Hypothesis.** The basis of the radical pattern is formed by specific deviations in socialization, which are forms of adaptation to unfavorable conditions of development. **Methods and materials.** The sample consisted of 30 persons who committed terrorist crimes and 30 members of their families. At various stages of the experiment, the subject of study was the terrorist's personality, his/her family relations, and deviant behaviour of an antisocial orientation. The methodological toolkit comprised a set of psychodiagnostic

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025)
От диагностики личности к диагностике паттерна:
опыт исследования лиц, совершивших преступления
террористической направленности
Психология и право, 15(1), _16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025)
From personality diagnosis to pattern diagnosis:
the experience of researching persons
who have committed terrorist crimes
Psychology and Law, 15(1), 16—28.

techniques that integrated the strengths of ideographic and nomothetic approaches to cognition. These techniques included 8 psychodiagnostic methods of a test of character, in-depth interviews, and analysis of demographic and socio-psychological indicators that were pertinent to the processes of socialisation and radicalisation of the personality. **Results.** During the multifaceted survey, personality traits, values, religious worldview, types of psychological defenses and ways of coping with difficult life circumstances were revealed, the specifics of family relations and important aspects of socialization at various stages of the life path were described. **Conclusions.** The radical pattern is characterised by a complex interplay of individual psychological characteristics and social factors, including personal dispositions, a proclivity for dependent behaviour, victimhood, a radical religious worldview, an obsessive focus on the concept of justice, an ideologically shaped core identity, an imbalance and deficit within the family system, and preventive behavioural traits. In certain crisis conditions and under the influence of catalysing factors, this pattern can be activated and manifested through a terrorist act.

Keywords: terrorism, psychology of terrorism, radicalization, social deviation, deviant behavior, destructive behavior, security, adaptation patterns

Funding. The research has been completed within the framework of the State assignment No. FNRR-2024-0003 “The Problem of Methodology of Social Deviation of Human Development” (Psychology).

Acknowledgements. The authors are grateful for assistance in data collection R.O. Galieva.

For citation: Nichiporenko, N.P., Patsakula, I.I., Galiev, I.Sh. (2025). From personality diagnosis to pattern diagnosis: the experience of researching persons who have committed terrorist crimes. *Psychology and Law*, 15(1), 16—28. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150102>

Введение

Прогнозирование и предупреждение терроризма, изучение и преодоление его последствий представляют собой не только проблему безопасности, но и условие сохранения психического здоровья населения и общества в целом (Захарова, Баева, Соболев, 2018). Пониманию природы и мотивов терроризма, влиянию особенностей личности и социального окружения на процесс радикализации посвящено множество исследований, большая часть которых сосредоточена в рамках триады личность — поведение — среда.

Широкое распространение получило изучение индивидуально-психологических особенностей (Казберов, Бовин, Фасоля, 2019) и личностных диспозиций, объясняющих вовлеченность человека в террористическую деятельность. В их числе агрессивность, комплекс неполноценности, низкая самооценка, личностная и эмоциональная незрелость (Ениколопов, 2006); неопределенность социальной идентичности и ее связь с групповой природой террористической деятельности (Бовин, Бовина, Тихонова, 2021); особенности защитного поведения (Бовин, Казберов, Бовина, 2021); высокая значимость для преступников-террористов религиозных ценностей и категории «справедливости» в сравнении с приоритетностью ценности «порядочности» у законопослушных граждан (Кроз, Ратинова, 2022); склонность к экстремизму (Эльзессер, 2024).

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025)
От диагностики личности к диагностике паттерна:
опыт исследования лиц, совершивших преступления
террористической направленности
Психология и право, 15(1), _16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025)
From personality diagnosis to pattern diagnosis:
the experience of researching persons
who have committed terrorist crimes
Psychology and Law, 15(1), 16—28.

Зарубежные исследования сопоставляют явления радикализации и насильственного экстремизма с влиянием макросреды и различных социальных условий. Глобальный формат транснационального терроризма оказывает влияние на ценности, приводит к слиянию идентичностей и динамике социальных сетей, что в итоге усиливает поддержку насилия (Atran, 2021). Большую роль в радикализации молодежи играет социальное несогласие (Vicente, 2022), классовый разрыв, кризис в социуме, коррупция, этнорелигиозная политика и секьюритизация государства, отсутствие возможностей, фрагментированная социальная и этническая идентичность (Ramamany, 2021). Участие в террористической деятельности также может быть обусловлено семейной сплоченностью и межпоколенческим взаимодействием с насильственными движениями в контексте политических конфликтов (Halilovic, Pastuovic, Wylie, 2024).

Характерной чертой современных исследований является смещение проблемного фокуса с отдельных психологических и социальных характеристик на изучение паттерна (Gill, 2015; Guldemann, Meloy, 2020; Höffler, Meyer, Möller, 2022; Van den Bos, 2020). Появление нового инструмента в виде Протокола оценки террористической радикализации сделало возможным качественный анализ совокупности факторов, предшествующих террористическому акту (Meloy, 2018). Шкала Terrorist Radicalization Assessment Protocol (TRAP-18) позволяет оценивать риски и делать прогноз поведения нападавшего террориста-одиночки на основе 8 проксимальных и 10 дистальных предупреждающих признаков (Guldemann, Meloy, 2020; Meloy, 2018). Все проксимальные поведенческие реакции (например, фиксация, идентификация, прямая угроза) являются динамическими и основаны на моделях поведения, в то время как дистальные характеристики (например, история психического расстройства, личная обида и моральное возмущение, оформленные идеологией) являются статическими факторами риска. Таким образом, в центре внимания исследователя находятся паттерны, а не отдельные переменные. Результаты, полученные при использовании данной шкалы, позволяют определить, требует ли случай активного вмешательства (при наличии одного или нескольких проксимальных поведенческих признаков) или можно ограничиться процедурами мониторинга (при наличии, к примеру, только дистальных характеристик). Примером глубокого качественного изучения действий и мышления террориста, предшествовавших нападению, через призму показателей TRAP-18 является анализ случая в Крайстчерче (Pardi et al., 2024).

Понятие паттерна используется в различных контекстах и может включать в себя широкий спектр значений. Паттерн может означать более или менее обобщенные личностные свойства или их совокупности, отдельные социальные факторы или их комплексы, поведенческие признаки. Наше понимание паттерна подразумевает наличие устойчивой модели поведения, имеющей характерные черты и сформированной в онтогенезе под влиянием длительного взаимодействия определенных факторов и условий. Ранее нами было разработано системное представление о паттернах адаптации (Ничипоренко, 2022), в рамках которого можно говорить о паттерне радикализации как специфической поведенческой модели, сопряженной с высокой вероятностью экстремистской и террористической активности. Закономерности становления паттерна радикализации могут быть исследованы в соответствии с принципом развития и рассматриваться как варианты дизонтогенеза и траектории социального отклонения.

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025)
От диагностики личности к диагностике паттерна:
опыт исследования лиц, совершивших преступления
террористической направленности
Психология и право, 15(1), _16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025)
From personality diagnosis to pattern diagnosis:
the experience of researching persons
who have committed terrorist crimes
Psychology and Law, 15(1), 16—28.

Проблемное осмысление методологических затруднений исследования радикализации и насильственного экстремизма представлено в работе P. Gill (Gill, 2015). Анализ постадийных моделей радикализации показывает, что они не имеют единого подхода и представляют собой комбинирование идей, заимствованных из различных теорий (Бовин и др., 2023). Как справедливо отмечают авторы, «запросы практики на разработку инструмента оценки риска радикализации в некотором смысле пока еще опережают возможности психологической науки» (Бовин и др., 2023, с. 95).

Изучение отклонений имеет методологическую сложность в силу природы самого предмета. Диагностические средства, адаптированные для нормотипичного большинства, оказываются нерелевантны задаче исследования самой девиации как феномена, отличающегося от «нормы». Стандартизированные психодиагностические методики эффективно справляются со скрининговыми задачами, позволяя дифференцировать группы «нормативных» и «ненормативных» испытуемых. Дальнейшее изучение респондентов, чьи показатели существенно отклонились от средних значений, требует индивидуальной исследовательской траектории. Чем сложнее «набор» и наложение девиаций в одном конкретном человеке, тем более уникальным является данный случай, и тем большего внимания он требует со стороны исследователя. Используя возможности идеографического подхода и углубляясь в индивидуальный рисунок того или иного нарушения в формате Case study, мы можем говорить о необходимости не только объяснения, но и понимания психического феномена социального отклонения.

Материалы и методы

В 2017—2019 гг. обследование проводилось среди лиц, осужденных по статьям террористического характера (30 человек). На разных этапах эксперимента в качестве предмета изучения выступали личность террориста, семейные отношения, отклоняющееся поведение антисоциальной направленности. Методический инструментарий представлял собой комплекс психодиагностических средств, сочетающих преимущества идеографического и номотетического способов познания: 8 психодиагностических методик тестового характера, глубинное интервью, анализ демографических и социально-психологических показателей, важных с точки зрения социализации и радикализации личности.

В ходе структурированного глубинного интервью были собраны и обработаны личные истории, на их основе реконструирован жизненный путь человека, совершившего преступление террористической направленности. В сочетании с биографическим методом были диагностированы личностные особенности (СМОЛ — сокращенный многофакторный опросник исследования личности), ценностные ориентации (методики М. Рокича и Д.А. Леонтьева), локус контроля, виды психологических защит (опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х.Р. Конте), копинг-стратегии (опросник Р. Лазаруса), склонность к зависимому поведению (опросник В.Д. Менделевича).

На этапе 2020—2021 гг. выборка была дополнена членами семей респондентов (30 человек). Пакет методик был расширен «Шкалой семейной адаптации и сплоченности» FACES-3 (D. Olson, J. Portner, Y. Lavee) и опросником склонности к виктимному поведению (О.О. Андронникова).

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025)
От диагностики личности к диагностике паттерна:
опыт исследования лиц, совершивших преступления
террористической направленности
Психология и право, 15(1), 16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025)
From personality diagnosis to pattern diagnosis:
the experience of researching persons
who have committed terrorist crimes
Psychology and Law, 15(1), 16—28.

В прикладном плане результаты исследования были использованы при организации и проведении мер дерадикализации и ресоциализации данной категории лиц в соответствии с системными представлениями о паттернах адаптации (Абакаров и др., 2020; Гараев и др., 2023; Ничипоренко, 2022).

Результаты

Детализированные выводы, полученные с помощью статистических методов анализа результатов стандартизированных психодиагностических методик, опубликованы в коллективных монографиях 2020 и 2023 гг. (Абакаров и др., 2020; Гараев и др., 2023). На их основе мы считаем важным обсудить некоторые обобщенные социальные и личностные характеристики участников исследования, значимые с точки зрения поставленной проблемы.

Личностные особенности. Результаты исследования посредством многофакторного личностного опросника СМОЛ локализованы в узком коридоре нормы (46—55 Т), у 40% респондентов завышены значения по шкале лжи L, наблюдается «утопленность» личностного профиля в целом, что свидетельствует о существенных искажениях данных со стороны испытуемых. В единичных случаях имели место высокие значения по отдельно взятым шкалам: выраженная психопатия по истероидному типу, гиперкомпенсация агрессии, сверхконтроль, депрессивность и тревожность. Шкала индивидуалистичности была завышена у двух респондентов, 3 человека (10% выборки) имели признаки параноидной психопатии и ярко выраженных агрессивных черт.

Анализ терминальных ценностей показал высокий ранг позиции «счастье других», в остальном приоритетными были названы обычные человеческие ценности — «счастливая семейная жизнь» и «здоровье». Среди инструментальных ценностей высокой значимостью обладали «честность» и «терпимость». Ранее в исследовании А.А. Жемчуговой (Абакаров и др., 2020) было выявлено, что категория «справедливости» и «вера в справедливый мир» (Lerner, 1980) занимают ведущие позиции в структуре образа мира и системе убеждений личности, подвергшейся влиянию радикальных идеологий.

Наиболее характерными видами психологических защит обследованных лиц являлись рационализация (66%), проекция (48%) и отрицание (44%). В группе предпочитаемых копинг-стратегий оказались «принятие ответственности» (среднее значение 83,3), «планирование решения проблемы» (72,2), «самоконтроль» (71,4), «положительная переоценка ситуации» (66,7).

Характерной чертой данной категории испытуемых является склонность к зависимому поведению. Показатели по этому параметру превышают средние нормативные значения и имеют статистически достоверные ($p < 0,05$) прямые корреляционные связи со шкалой маниакальности, напряженностью психологических защит, общим показателем осмысленности жизни, жизненными целями и локусом контроля над жизненными событиями.

При оценке **виктимности** склонность к гиперсоциальному поведению демонстрировали 29% опрошенных. Характерными для выборки также оказались *низкие* значения по шкалам реализованной виктимности (79%), некритичного поведения (61%), агрессивности (71%), зависимости и беспомощности (43%). Данные личностные диспозиции формируют внутреннюю латентную готовность к виктимному способу поведения при одновременном отрицании собственной слабости и позиции жертвы. Этот вывод согласуется с характерным

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025)
От диагностики личности к диагностике паттерна:
опыт исследования лиц, совершивших преступления
террористической направленности
Психология и право, 15(1), 16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025)
From personality diagnosis to pattern diagnosis:
the experience of researching persons
who have committed terrorist crimes
Psychology and Law, 15(1), 16—28.

для террористов спектром психологических защит: отрицанием, рационализацией и проекцией.

Структурированное глубинное интервью позволило выявить некоторые *аспекты религиозного мировоззрения* лиц, совершивших преступления террористической направленности, — возраст приобщения к религиозной практике и обоснованность религиозных взглядов. Все обследованные (30 чел.) исповедовали ислам.

Большинство респондентов (48%) приобщились к религии в возрасте от 16 лет до 21 года, 32% — в период от 22 до 35 лет, ранее 14 лет — 8%, после 35 лет — 4%, 8% затруднились ответить. Сложности социализации в юношеском возрасте и ранней молодости, кризис самоопределения, незавершенные возрастные задачи развития подросткового этапа формируют мотивацию поиска духовных ориентиров и способствуют обращению к религиозному мировоззрению.

Самыми распространенными основаниями религиозности были суждения «религия важна, поскольку единственной целью и потребностью человека является поклонение и подчинение Всевышнему» (33%) и «религия — источник ценностей и смыслов жизни, инструкция к жизни» (33%). 23% опрошенных обосновали свою приверженность тем, что «религия помогает справляться с трудными жизненными ситуациями». Малоосознанный выбор характерен для 10% респондентов — «надо и все». 7% отметили, что религия помогает узнать себя настоящих, и 3% сказали, что «единственной целью религии и следования ей» считают «попадание в рай после смерти».

В интервью респонденты отмечали, что приобщились к религии после травмирующих жизненных событий: 20% пережили смерть близких родственников, 13% — буллинг в школе, 13% — переезд, который сопровождался существенным изменением образа жизни и тяжелыми переживаниями, 10% отмечали тяжело протекающую или неизлечимую болезнь родственников, и 7% столкнулись с опытом собственного серьезного заболевания или травмы.

Микросоциальные предикторы. Как показано в нашей работе (Гараев и др., 2023), значимой оказалась совокупность социально-демографических факторов, взаимодействие между которыми в определенных жизненных обстоятельствах усиливает риски радикализации. К ним относятся: разбалансировка семейной системы в сторону эмоциональной отдаленности членов семьи; недостаток эмоциональной близости и поддержки; разделенность и хаотичность семейной системы; отсутствие или отстраненность значимой мужской фигуры, зависимое и асоциальное поведение членов семьи; ригидные моральные и нравственные ориентиры; сложная социально-экономическая ситуация; утрата базовой безопасности и низкая толерантность к смене ценностей в условиях изменений; подверженность внешнему влиянию. Следствием воздействия данных факторов является дефицитарность надежного внутреннего объекта, поиск которого проецируется и легко опредмечивается суррогатными объектами и фантазиями. Таковыми могут выступать фактически любые лица, сообщества или идеи, предлагающие надежду на стабильность, безопасность, поддержку и справедливость.

Обсуждение результатов

Обобщение и систематизация полученных данных подтверждают гипотезу о существовании радикального паттерна — совокупности социальных факторов, личностных диспозиций, способов адаптации, моделей поведения, взаимодействие которых в определенных условиях

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025)
От диагностики личности к диагностике паттерна:
опыт исследования лиц, совершивших преступления
террористической направленности
Психология и право, 15(1), _16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025)
From personality diagnosis to pattern diagnosis:
the experience of researching persons
who have committed terrorist crimes
Psychology and Law, 15(1), 16—28.

ведет к радикализации и формированию готовности к совершению насильственных экстремистских действий.

Социальные потребности лиц, совершивших преступления террористического характера, значимы и сильны, они нуждаются в принадлежности к организованной общности с понятными правилами и регламентированными отношениями, опосредованными той или иной предметной или духовной деятельностью. Выбор религиозного мировоззрения позволяет справляться с трудными жизненными ситуациями и компенсирует дефицит потребностей в принадлежности, признании, поддержке и нравственном самоопределении.

Катализировать деструктивные процессы, происходящие внутри личности и семьи, способны макросоциальные факторы. Это социально-экономическая и политическая нестабильность, anomia, неопределенность будущего, противоречивость общественных ценностей, взглядов, мировоззрений и идеологий.

Структуру радикального паттерна образует комплекс индивидуально-психологических характеристик и социальных факторов: личностные диспозиции, склонность к зависимому поведению, виктимность, религиозное мировоззрение радикального толка, фиксация на идее справедливости, идеологически оформленное ядро идентичности, разбалансировка и дефицитарность семейной системы, предупреждающие поведенческие признаки. В определенных кризисных условиях и при влиянии катализирующих факторов данный паттерн может быть активирован и реализован посредством террористического акта.

Данное тематическое исследование показало, что опросные психодиагностические методы, основанные на принципе самоотчета, не обладают достаточной полнотой и мало информативны в плане прогнозирования дальнейшего поведения радикальной и экстремистской направленности. Стандартизированные тесты должны обязательным образом дополняться методами индивидуальной беседы и фокусированного интервьюирования. В проведенном нами исследовании положительно зарекомендовал себя пример использования глубинного структурированного интервью не только в диагностических целях, но и для решения задач последующей коррекции и построения индивидуальной траектории ресоциализации и дерадикализации данной категории лиц.

Заключение

Обследованная нами группа представляет собой пример сложного социального отклонения, где имеет место наложение четырех взаимосвязанных деструктивных девиаций — радикализации, противоправного поведения, экстремизма и реализованной террористической активности. При этом личностные профили, смысловые ориентации, терминальные и инструментальные ценности респондентов не отличались выраженной специфичностью. В связи с этим использование только опросных методов, основанных на принципе самоотчета, для обследования подобных групп испытуемых не является достаточным. Наблюдается интерференция двух основных недостатков опросников: высокой вероятности сознательного искажения результатов в сторону социальной желательности и существенной погрешности идеализированных представлений о себе.

В силу этих причин данные, полученные таким способом, не обладают необходимой прогностической валидностью в отношении предсказания экстремистского поведения. При изучении сложных девиаций (экстремизма, радикализации, терроризма в их сочетании)

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025)
От диагностики личности к диагностике паттерна:
опыт исследования лиц, совершивших преступления
террористической направленности
Психология и право, 15(1), 16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025)
From personality diagnosis to pattern diagnosis:
the experience of researching persons
who have committed terrorist crimes
Psychology and Law, 15(1), 16—28.

научная цель должна быть расширена. Исследователь не ограничивается объяснением, но стремится к пониманию генеза отклонения в контексте жизненного пути, в единстве, взаимодействии и взаимообусловленности личности, социальных условий и паттерна адаптации.

На данном этапе развития знания о социальном отклонении назрела необходимость сместить исследовательский фокус в трех методологически важных измерениях: от диагностики девиантной личности — к диагностике нарушений развития; от описания закономерностей отклоняющегося поведения — к описанию паттерна адаптации; от объяснения — к пониманию социального отклонения как уникального деструктивного способа приспособления человека к жизненным обстоятельствам.

Ограничения. Экстраполяция выводов, полученных в данном исследовании, требует учета специфики выборки и ограниченного доступа к данным.

Limitations. Extrapolation of the conclusions obtained in this study requires taking into account the specifics of the sample and limited access to data.

Список источников / References

1. Абакаров, Р.Р., Галиев, И.Ш., Гусейнов, А.Ш., Жемчугова, А.А., Коваленко, Д.Г., Ничипоренко, Н.П., Палеха, Е.С., Хусаинова, С.В., Шиповская, В.В. (2020). *Девиантность vs экстремизм: исследования, закономерности, рекомендации: коллективная монография* (В.Е. Козлов, науч. ред.). Казань: ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем».
Abakarov, R.R., Galiev, I.Sh., Guseynov, A.Sh., Zhemchugova, A.A., Kovalenko, D.G., Nichiporenko, N.P., Palekha, E.S., Husainova, S.V., Shipovskaya, V.V. (2020). *Deviance VS extremism: research, patterns, recommendations: a collective monograph*. (Kozlov V.E., ed.) Kazan: Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems. (In Russ.).
2. Бовин, Б.Г., Бовина, И.Б., Тихонова, А.Д. (2021). Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III). *Психология и право*, 11(1), 181—194. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110114>
Bovin, B.G., Bovina, I.B., Tikhonova, A.D. (2021). Radicalization: a socio-psychological perspective (Part III). *Psychology and Law*, 11(1), 181—194. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110114>
3. Бовин, Б.Г., Дворянчиков, Н.В., Мельникова, Д.В., Бовина, И.Б. (2023). К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде: некоторые эмпирические факты. *Пенитенциарная наука*, 17(1), 89—97. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.61.1.010>
Bovin, B.G., Dvoryanchikov, N.V., Mel'nikova, D.V., Bovina, I.B. (2023). Assessing radicalization risks in the adolescent and youth environment. *Penitentiary Science*, 17(1), 89—97. (In Russ.). <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.61.1.010>
4. Бовин, Б.Г., Казберов, П.Н., Бовина, И.Б. (2021). Механизмы психологической защиты и доминирующее защитное поведение осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность. *Психология и право*, 11(2), 86—105. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110207>
Bovin, B.G., Kazberov, P.N., Bovina, I.B. (2021). Mechanisms of psychological defense and dominant defense behavior of convicts for terrorist and extremist activities. *Psychology and Law*, 11(2), 86—105. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110207>

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025) От диагностики личности к диагностике паттерна: опыт исследования лиц, совершивших преступления террористической направленности *Психология и право*, 15(1), 16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025) From personality diagnosis to pattern diagnosis: the experience of researching persons who have committed terrorist crimes *Psychology and Law*, 15(1), 16—28.

5. Гараев, Д.М., Махмутов, З.А., Ничипоренко, Н.П., Палеха, Е.С., Чернова, Е.О., Хусаинова, С.В., Шибанкова, Е.А. (2023). *Девиянтность и экстремизм: методология, нарративы, исследовательская оптика: коллективная монография* (2-е изд., перераб. и доп.) (С.В. Хусаинова, Е.С. Палеха, общ. ред.). Казань: Изд-во ММСИП.
Garaev, D.M., Makhmutov, Z.A., Nichiporenko, N.P., Palekha, E.S., Chernova, E.O., Husainova, S.V., Shibankova, E.A. (2023). *Deviance and extremism: methodology, narratives, research optics: a collective monograph* (2nd ed.) (S.V. Husainova, E.S. Palekha, eds.). Kazan: MMSIP. (In Russ.).
6. Ениколопов, С.Н. (2006). Терроризм и агрессивное поведение. *Национальный психологический журнал*, 1, 28—32. URL: <https://msupsyj.ru/articles/detail.php?article=3938> (дата обращения: 10.08.2024).
Enikolopov, S.N. (2006). Terrorism and aggressive behavior. *National Psychological Journal*, 1, 28—32. (In Russ.). URL: <https://msupsyj.ru/articles/detail.php?article=3938> (viewed: 10.08.2024).
7. Захарова, Н.М., Баева, А.С., Соболев, Н.А. (2018). Социально-психологические последствия современного терроризма. *Психология и право*, 18(3), 190—205. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080314>
Zakharova, N.M., Baeva, A.S., Sobolev, N.A. (2018). Socio-psychological impacts of the modern terrorism. *Psychology and Law*, 18(3), 190—205. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080314>
8. Казберов, П.Н., Бовин, Б.Г., Фасоля, А.А. (2019). Психологический профиль террориста. *Психология и право*, 9(3), 141—157. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090311>
Kazberov, P.N., Bovin, B.G., Fasolya, A.A. (2019). Terrorist's psychological profile. *Psychology and Law*, 9(3), 141—157. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090311>
9. Кроз, М.В., Ратинова, Н.А. (2022). Ценностные ориентации преступников-террористов. *Психология и право*, 12(2), 99—110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120208>
Kroz, M.V., Ratinova, N.A. (2022). Value Orientations of Terrorist Criminals. *Psychology and Law*, 12(2), 99—110. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120208>
10. Ничипоренко, Н.П. (2022). Саногенные и патогенные паттерны адаптации в ракурсе системно-эволюционного подхода. *Казанский педагогический журнал*, 4(153), 263—274. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.154.4.032>
Nichiporenko, N.P. (2022). Sanogenic and pathogenic adaptation patterns from the perspective of a systemic-evolutionary theory. *Kazan Pedagogical Journal*, 4(153), 263—273. (In Russ.). <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.154.4.032>
11. Эльзессер, А.С. (2024). Построение модели радикализации и ее эмпирическая проверка. *Психология и право*, 14(1), 89—106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140106>
Elzesser, A.S. (2024). Construction of a Radicalization Model and Its Empirical Testing. *Psychology and Law*, 14(1), 89—106. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140106>
12. Atran, S. (2021). Psychology of transnational terrorism and extreme political conflict. *Annual Review of Psychology*, 72, 471—501. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050800>
13. Gill, P. (2015). Toward a scientific approach to identifying and understanding indicators of radicalization and terrorist intent: eight key problems. *Journal of Threat Assessment and Management*, 2(3—4), 187—191. <https://doi.org/10.1037/tam0000047>

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025)
От диагностики личности к диагностике паттерна:
опыт исследования лиц, совершивших преступления
террористической направленности
Психология и право, 15(1), 16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025)
From personality diagnosis to pattern diagnosis:
the experience of researching persons
who have committed terrorist crimes
Psychology and Law, 15(1), 16—28.

14. Guldemann, A., Meloy, J.R. (2020). Assessing the threat of lone-actor terrorism: the reliability and validity of the TRAP-18. *Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie*, 14(2), 158—166. <https://doi.org/10.1007/s11757-020-00596-y>
15. Halilovic Pastuovic, M., Wylie, G. (2024). Challenging the youth assumptions behind P/CVE: acknowledging older extremists. *Critical Studies on Terrorism*, 18(1). 74—90. <https://doi.org/10.1080/17539153.2024.2380547>
16. Höffler, K., Meyer, M., Möller, V. (2022). Risk assessment — the key to more security? Factors, tools, and practices in dealing with extremist individuals. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 28, 269—295. <https://doi.org/10.1007/s10610-021-09502-6>
17. Ilardi, G. (Joe), Smith, D., Winter, C., & Spaaij, R. (2024). The 2019 Christchurch terror attack: an assessment of proximal warning behaviors. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 1—21. <https://doi.org/10.1080/19434472.2024.2374758>
18. Lerner, M.J. (1980). Who Believes in a Just World. In: Lerner, M.J. *The Belief in a Just World. Perspectives in Social Psychology* (pp. 137—181). Boston, MA: Springer. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0448-5_11
19. Meloy, J.R. (2018). The operational development and empirical testing of the terrorist radicalization assessment protocol (TRAP-18). *Journal of Personality Assessment*, 100(5), 483—492. <https://doi.org/10.1080/00223891.2018.1481077>
20. Ramasamy, R. (2021). Youth radicalization and violent extremism: a study of pathways in the post-war context of Sri Lanka. *Journal of Youth Studies*, 26(2), 229—249. <https://doi.org/10.1080/13676261.2021.2010684>
21. Van den Bos, K. (2020). Unfairness and radicalization. *Annual Review of Psychology*, 71, 563—588. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050953>
22. Vicente, Á. (2022). Terrorist participation despite social influences opposing violent extremism: a qualitative study among young jihadists in Spain. *Studies in Conflict & Terrorism*, 1—24. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2022.2151094>

Информация об авторах

Надежда Павловна Ничипоренко, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Казанский филиал Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ КФ ФНЦ ПМИ), Казань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3175-0085>, e-mail: nichiporenko.n@yandex.ru

Ирина Ивановна Пацакула, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (ФГБОУ ВО КГУ), Калуга, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5969-8509>, e-mail: kaluga-irina@yandex.ru

Ильдар Шамилович Галиев, директор, Казанский филиал Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ КФ ФНЦ ПМИ), Казань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6371-2821>, e-mail: ildar.galiev@tatar.ru

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025)
От диагностики личности к диагностике паттерна:
опыт исследования лиц, совершивших преступления
террористической направленности
Психология и право, 15(1), 16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025)
From personality diagnosis to pattern diagnosis:
the experience of researching persons
who have committed terrorist crimes
Psychology and Law, 15(1), 16—28.

Information about the authors

Nadezhda P. Nichiporenko, Candidate of Science (Psychology), Docent, Senior Research Associate, Kazan Branch of the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Kazan, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3175-0085>, e-mail: nichiporenko.n@yandex.ru

Irina I. Patsakula, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Kaluga State University, Kaluga, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5969-8509>, e-mail: kaluga-irina@yandex.ru

Ildar Sh. Galiev, Head, Kazan Branch of the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Kazan, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6371-2821>, e-mail: ildar.galiev@tatar.ru

Вклад авторов

Ничипоренко Н.П. — идеи исследования; применение статистических, математических и других методов анализа данных; аннотирование, написание и оформление рукописи.

Пацакула И.И. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи.

Галиев И.Ш. — идеи исследования; планирование исследования; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Nadezhda P. Nichiporenko — ideas; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; annotation, writing and design of the manuscript.

Irina I. Patsakula — ideas; annotation, writing and design of the manuscript.

Ildar Sh. Galiev — ideas; conducting the experiment; data collection and analysis; planning of the research; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проводилось во взаимодействии с психологической службой и в соответствии с требованиями Приказа Федеральной службы исполнения наказаний от 11 января 2012 г. № 5

Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И., Галиев И.Ш. (2025)
От диагностики личности к диагностике паттерна:
опыт исследования лиц, совершивших преступления
террористической направленности
Психология и право, 15(1), _16—28.

Nichiporenko N.P., Patsakula I.I., Galiev I.Sh. (2025)
From personality diagnosis to pattern diagnosis:
the experience of researching persons
who have committed terrorist crimes
Psychology and Law, 15(1), 16—28.

«Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы».

Ethics statement

The study was conducted in cooperation with the psychological service of the Federal Penitentiary Service in accordance with the requirements of Order No. 5 of the Federal Penitentiary Service dated January 11, 2012 “On Approval of the Code of Ethics and Official Conduct for Employees and Federal Government Civil Servants of the Penal Enforcement System”.

Поступила в редакцию 22.10.2024
Поступила после рецензирования 21.11.2024
Принята к публикации 30.11.2024
Опубликована 30.03.2025

Received 2024 10.22
Revised 2024 11.21
Accepted 2024 11.30
Published 2025 03.30